

Глава 30: Поклонник

Когда он снова пришёл в себя, глаза ещё не открывались, но в нос уже ударил удушливый, приторный запах благовоний. И без того тяжёлая голова от этого плотного, густого аромата разболелась с удвоенной силой.

Приоткрыв веки, Бай Чэнцзюэ прижал ладонь ко лбу и принялся мягко массировать пальцами виски.

— Очнулся?

На звук этого голоса Чэнцзюэ повернул голову. Разглядев того, кто сидел у постели, он с раздражением зажмурился и со вздохом процедил:

— Князь Сюань, насколько я помню, ещё полгода назад я выразился предельно ясно.

— Тебе вовсе не стоит переживать из-за своего сомнительного происхождения. Из какого бы притона ты ни вышел, с твоей внешностью место моей неофициальной жены — это вовсе не мезальянс. Напротив, великая честь.

Глядя на то, с каким самодовольным видом князь Сюань, Бай Чэнчжи, распахнул свой веер и вальяжно обмахивал им грудь, Чэнцзюэ почувствовал, как боль в висках становится просто невыносимой.

— Скажу прямо: ты мне не ровня. Ты меня не достоин.

От таких слов Чэнчжи подскочил как ужаленный. С треском захлопнув веер, он ткнул им в сторону Чэнцзюэ и взвизгнул:

— Да как ты смеешь! Ну-ка повтори, если жить надоело!

Перед этим напыщенным дураком, любимчиком покойного императора, Чэнцзюэ даже не пытался притворяться. Он медленно сел на постели, не удостоив сводного брата даже мимолётным взглядом — тратить на него слова было выше его сил.

Однако Чэнчжи, распалившись от такого пренебрежения, окончательно потерял голову. Заткнув веер за пояс и засучив рукава, он с вожделением ринулся прямо на постель.

Вот только заключить в объятия «нежную и хрупкую» Первую красавицу, как он привык делать в Тереме Сотни Цветов, князю не удалось. Прежде чем он успел коснуться подушек, «хрупкое создание» со всей силы впечатало ему подошву в грудь. Чэнчжи кубарем полетел на пол и растянулся на ковре, хлопая глазами в полном недоумении. Он решительно не мог взять в

толк, каким образом его столь стремительно катапультировали с кровати.

Чэнцзюэ поднялся на ноги. Оправив одежды, он неторопливо подошёл к распростёртому на полу Чэнчжи. Одним плавным движением он вытащил из волос нефритовую шпильку, и тёмные пряди мягкой волной рассыпались по плечам.

При виде этой завораживающей картины Чэнчжи невольно замер и шумно сглотнул.

— Неужели моя красавица решила... — договорить он не успел.

Остриё нефритовой шпильки упёрлось прямо в его кадык, мгновенно выбив из головы всю похотливую чушь вместе с заготовленными любезностями.

— Даже не думай дёргаться, — вкрадчиво прошептал Чэнцзюэ. — Издашь хоть звук — и я проткну тебе горло.

Чэнчжи испуганно стиснул губы, боясь даже выдохнуть.

Конечно, в народе говорят, что красна смерть под пионом, да только помирать, даже не коснувшись лепестков вожделенного цветка, дураков не было!

Убедившись, что пленник притих, Чэнцзюэ свободной рукой извлёк из рукава круглую пилюлю и поднёс к его губам. Чэнчжи, отчаянно выпучив глаза, упрямо сжал рот и попытался замотать головой — это была его последняя, жалкая попытка сопротивления.

Но остриё шпильки тут же слегка вошло в кожу. Почувствовав резкую боль и заметив ледяное равнодушие Чэнцзюэ, князь понял: этот сумасшедший действительно готов его прирезать. Ему ничего не оставалось, кроме как покорно приоткрыть рот, позволив протолкнуть лекарство глубоко в горло, и сделать судорожный глоток.

— Открой рот.

— Да ладно тебе, зачем... — невнятно прошамкал Чэнчжи.

Шпилька надавила сильнее, пустив по шее тонкую струйку крови.

— Я сказал: открой рот.

Поддавшись грубому давлению, Чэнчжи послушно разинул рот.

— Хорошо. Теперь приподними язык.

— Да проглотил я, проглотил! — взмолился тот.

Понимая, что сейчас сила не на его стороне, Чэнчжи честно сглотнул слюну вместе с горьким комком.

«Главное — остаться в живых. Уж дворцовые лекари справятся с любой отравой, какую бы дрянь этот паршивец мне ни скормил!»

В конце концов, далеко этот мерзавец не сбежит. Эту обиду Чэнчжи затаил глубоко в душе. Ничего, у него ещё будет время сполна со всем рассчитаться.

Убедившись, что пилюля ушла по назначению, Чэнцзюэ чуть ослабил хватку и заговорил мягче:

— Ещё полгода назад я разложил тебе всё по полочкам. И после этого ты заявляешься в чужой дом, чтобы силой утащить меня к себе? Чэнчжи, тебе самому-то не стыдно за эти глупости?

От этого обманчиво ласкового, певучего голоса Чэнчжи едва не задохнулся от возмущения. Напрочь позабыв об опасности, он снова ткнул пальцем в сторону собеседника:

— Да ты... ты кто вообще такой, чтобы называть меня по имени?! По какому праву?!

Чэнцзюэ опустил взгляд на его дрожащую руку и тихо, почти нежно произнёс:

— Ещё раз укажешь на меня пальцем — и я его сломаю. Обещаю.

Чэнчжи тут же сник. Столкнувшись со спокойной, жутковатой улыбкой Чэнцзюэ, он поспешно спрятал руки за спину.

Однако, вновь взглядевшись в это лицо, поразительно красивое даже в гневе, он решил сменить тактику и зайти с другой стороны.

— Ну вот чего тебе не хватает? — заканючил он. — Чем я хуже того неотёсанного дикаря? Он же нищ как церковная мышь и туп как пробка! Ладно, если не хочешь быть просто неофициальной женой, мы можем договориться. Как насчёт места младшей супруги?

Заметив, как Чэнцзюэ помрачнел и прищурился, Чэнчжи испуганно сглотнул, чувствуя, как бешено заколотилось сердце. Он торопливо поправился:

— Хорошо, хорошо! Если ты согласишься, я... я готов сделать тебя своей главной княгиней! Мне придётся побороться со старейшинами рода, но ради тебя я это сделаю! Подумай сама, со

мной ты будешь купаться в роскоши и шелках. Разве это сравнится с убогой долей приёмыша какого-то...

Чэнцзюэ резко вскинул руку, прерывая его излияния:

— Довольно, шестнадцатый императорский брат.

Чэнчжи оцепенел.

Он понимал каждое слово, слетавшее с губ этого человека, но их общий смысл никак не укладывался у него в голове.

Чэнцзюэ дружески похлопал брата по плечу, заставив того вздрогнуть, и негромко произнёс:

— Твоя персона представляет столь ничтожную ценность, что мне даже лень притворяться и водить тебя за нос. Ещё год назад у меня кончились силы терпеть твоё ухаживание. Но из уважения к нашей родственной крови я пытался сохранить видимость приличий и не позорить тебя. К сожалению, благородных жестов ты не понимаешь. Ты пристал ко мне как банный лист, вынудив высказать тебе всё без прикрас ещё полгода назад. Любой мало-мальски уважающий себя человек после такого поостерёгся бы идти на столь глупый шаг. Но ты превзошёл сам себя.

Этот надменный тон, эта ядовитая манера изъясняться... Кого-то они смутно напоминали.

В груди у Чэнчжи всё заledenело.

— Бай Чэнцзюэ?! — взвизгнул он, наконец сообразив, кто перед ним. — Ты... ты же благородный князь! Какого чёрта тебя понесло в бордель бренчать на гуцине?! Ты совсем из ума выжил?!

Воспоминания о том, как он швырял к чужим ногам целые состояния лишь ради мимолётной улыбки «прекрасной девы Цзюэюй», ошпарили его стыдом. Его натурально затрясло.

— Чэнцзюэ!

Чэнцзюэ мягко улыбнулся:

— Что такое? Хочешь излить мне душу, поведать о своей горькой обиде?

В отчаянии Чэнчжи вцепился в его рукав и жалобно, со слезами на глазах, выдавил:

— Слушай... а ты не мог бы вернуть мне деньги, которые я все эти годы платил за твою музыку?

<http://bllate.org/book/18210/1752527>